

КУЛЬТУРА И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ

УДК 316.42; 327.3

DOI 10.18522/2227-8656.2020.4.16

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА, ПРИКРЫВАЮЩЕГОСЯ ИСЛАМОМ

Коровин Валерий Михайлович

Соискатель, кафедра социологии
международных отношений,
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова;
директор Международного
некоммерческого фонда
«Центр геополитических экспертиз»,
г. Москва, Россия,
e-mail: korovin@evrazia.org

MEDIA ACTIVITIES AGAINST THE IDEOLOGY OF EXTREMISM AND TERRORISM HIDDEN BY ISLAM

Valeriy M. Korovin

Applicant, Department of Sociology
of International Relations,
Lomonosov Moscow
State University;
Director of the Center
for Geopolitical Expertise
International Non-Profit Fund;
Moscow, Russia,
e-mail: korovin@evrazia.org

Исламистский терроризм давно стал глобальной проблемой. Иницируя террористическую активность в разных регионах мира, а по сути, создавая террористические сети, идеологи глобализации тем самым создают предпосылки для вмешательства в дела многих стран.

Северный Кавказ ещё с самого начала 1990-х гг. является регионом, через который Запад, в

Islamist terrorism has long become a global problem. By initiating terrorist activity in different regions of the world, and, essentially, creating terrorist networks, the ideologists of globalization thereby create the prerequisites for interference in the affairs of many countries.

From the very beginning of the 1990s, the North Caucasus has been a region through

первую очередь США, пытался оказать геополитическое давление на Россию.

Ежегодно в ряды так называемого исламистского подполья, при внешней поддержке продолжающего свою активность на территории Северного Кавказа, вовлекаются сотни молодых людей, находящихся в духовном поиске, ищущих смысл и мировоззренческие основы.

Ответные профилактические действия со стороны властей хотя и оказывают серьезное воздействие на минимализацию активности адептов радикального исламизма и их террористические сети, но, как правило, ориентированы исключительно на силовые и административные, запретительные и ограничительные меры. Вместе с тем комплексно проблема не может быть решена без работы в области смыслового, идеологического, идейного пространства.

В статье изложены некоторые методы воздействия на смысловую и информационную среду; описаны механизмы осуществления идеологического ответа на деятельность исламистских вербовщиков, предложены методы организации работы по купированию одностороннего и безальтернативного воздействия исламистских проповедников на различные социальные группы; описана необходимость и методы создания вытесняющего контента и купирования исламистской пропагандистской аргументации. Описаны методы работы СМИ и их редакций, направленной на разрешение данной проблемы.

Ключевые слова: сеть; сетевые войны; СМИ; идеология; сетевые войны; терроризм; исламизм; неосалафизм; ислам; террор; США; Запад; война; Северный Кавказ; Интернет.

which the West, primarily the United States, is trying to exert geopolitical pressure on Russia.

Every year, hundreds of young people who are in a spiritual search, looking for meanings and ideological foundations, are involved in the ranks of the so-called Islamic underground, with external support continuing its activity in the North Caucasus.

Response preventive actions on the part of the authorities, although they have a serious effect on minimizing the activity of adherents of radical Islamism and their terrorist networks, are, as a rule, focused exclusively on coercive and administrative, prohibitive and restrictive measures. At the same time, a complex problem cannot be solved without work in the field of semantic and ideological space.

The article outlines some methods of influencing the semantic and informational environment; the mechanisms for carrying out an ideological response to the activities of Islamist recruiters are described, methods of organizing work to stop the unilateral and non-alternative impact of Islamist preachers on various social groups are proposed; the necessity and methods of creating crowded out content and stopping Islamic propaganda argumentation are described. The methods of work of the media and their editions aimed at solving this problem are described.

Keywords: network; network wars; mass media; ideology; network-centric wars; terrorism; Islamism; neosalafism; Islam; terror; USA; West; war; North Caucasus; the Internet.

Введение

Исламистский терроризм в последние годы стал глобальной проблемой. Используя исламистские сети, западные стратеги, относящиеся, как правило, к числу так называемых глобалистов (сторонники глобального доминирования западного идеологического проекта в мире), пытаются перековать мир под себя. Иницируя террори-

стическую активность в разных регионах мира, а по сути, создавая террористические сети, идеологи либеральной глобализации Запада тем самым создают предпосылки для вмешательства в различные регионы мира с целью изменения мировоззренческих основ. Используя терроризм и вызываемую им дестабилизацию ситуации как повод, Запад в лучшем случае тем самым оказывает давление на руководство тех или иных стран, в худшем – разрушает социальную и политическую стабильность или же под предлогом борьбы с международным терроризмом начинает военную интервенцию на пространства, где при его содействии разворачивается противостояние между властями и террористами, зачастую оборачивающееся полномасштабными боевыми действиями, как, например, в Ливии или Сирии (Добаев, 2015).

Северный Кавказ ещё с самого начала 1990-х гг. является регионом, через который Запад, в первую очередь США, пытался оказать геополитическое давление на Россию. В начале – середине 1990-х Запад осуществлял поддержку террористической активности, направленной на отделение сначала Чеченской Республики, а затем в 1999 г. организовав вторжение на территорию Республики Дагестан. И даже несмотря на окончание активной фазы военной операции российских федеральных сил при поддержке местных силовых структур в Чечне и Дагестане, глобалистские стратеги продолжают поддерживать создание в регионе исламистских террористических сетей и распространение идей радикального ислама (исламизм – политическая идеология, созданная на основе элементов исламского учения) (Добаев, 2011).

Ежегодно в ряды так называемого *исламистского подполья*, при внешней поддержке продолжающего свою активность на территории Северного Кавказа, вовлекаются сотни молодых людей, находящихся в духовном поиске, ищущих смысл и мировоззренческие основы. Не имея серьёзных базовых знаний в области изучения традиционного ислама и при этом представляя собой наиболее активную часть общества, молодые люди часто становятся жертвами вовлечения в исламистские террористические сети (рис. 1). Оказываясь под идейным влиянием, а порой и под воздействием личного обаяния исламистских проповедников, умеющих буквально на пальцах объяснить, в чём смысл жизни и каковы «подлинные цели» настоящего мусульманина, молодёжь пополняет ряды террористического подполья, становясь изгоями в обществе (Авдеев, 2005).

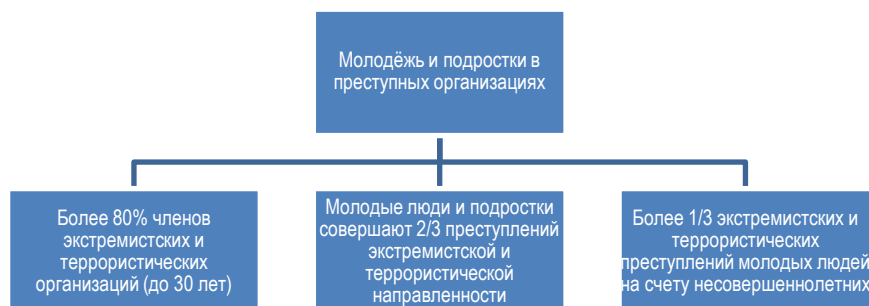

Рис. 1. Схема: Умаров Д.В. Фактор КРА. Антитеррор. М., 2019

Ответные профилактические действия со стороны властей хотя и оказывают серьёзное воздействие на минимализацию активности адептов радикального исламизма и их террористические сети, но, как правило, ориентированы исключительно на силовые и административные, запретительные и ограничительные меры. Вместе с тем комплексно проблема не может быть решена без работы в области смыслового, идеологического, идейного пространства. Создание инструментов формирования смысловой и идеологической альтернативы, работа на поле идей, в информационном и мировоззренческом пространстве является крайне актуальной задачей в области противодействия распространению идей религиозного экстремизма и терроризма (Ханбабаев, 2008).

Задачи СМИ в противодействии распространению идей религиозного экстремизма и терроризма

Главной задачей СМИ является формирование общественного мнения. В случае противодействия идеям религиозного экстремизма и терроризма задача СМИ – сформировать негативный образ террористов, добившись того, чтобы общественное мнение не оказалось на их стороне. Именно борьба за общественное мнение является целью деятельности исламистских сетей. Формируя положительный образ в глазах общества – как борцов за справедливость, как сторонников обиженных и обездоленных, как тех, кто «стоит на стороне истины», идя «против лжи и отступлений», исламисты вовлекают в свои ряды тех, кто сначала симпатизирует комплексу их идей, а затем, со временем, начинает разделять те же идеи. В конечном итоге симпатии могут перерасти в непосредственное содействие и участие, но начинается всё с симпатии. А симпатия является следствием положительной интерпретации деятельности экстремистов или террористов (Гельман, 2003).

В качестве отправной точки следует принять утверждение о том, что сама по себе информация без интерпретации не представляет ника-

кого смысла, из неё не вытекает никаких выводов, неясно, как её понимать. Событие само по себе ничего не значит, если за ним не следует объяснение его смысла, его предпосылок и вытекающих из него последствий. Интерпретация, таким образом, есть объяснение смысла высказывания, поступка, события или действия (Дугин, 2015). Отсюда вытекает формула, на которую должны опираться СМИ, вовлечённые в противодействие распространению идей терроризма и экстремизма: *никакой непредвзятой информации не существует, как не существует непредвзятых СМИ, журналистов или блогеров.*

Даже сознательно стремясь максимально нейтрально описать происходящее, изложить те или иные события, журналист, обозреватель, блогер или случайный свидетель опирается при этом на комплекс своих взглядов, системы ценностей, мировоззренческих основ. Поэтому даже используя один, а не другой термин для описания того или иного явления, человек, т. е. субъект, даёт субъективную оценку, ту или иную эмоциональную окраску, ту или иную качественную нагруженность.

Террорист или повстанец, борьба за идеалы или вызов государству и обществу, сепаратизм или самоопределение – всё, вплоть до нюансов, имеет значение при подаче текста, оказываясь в пространстве так называемых языковых игр (Котелевский, 2014). Не говоря уже о таких жанрах, как авторская колонка, авторский блог или эссе, когда принципиальное значение имеет персоналия – кто излагает оценочное суждение, каких он взглядов, какую систему ценностей продвигает. Обвинения в предвзятости, когда речь идёт о материалах антитеррористической и антиэкстремистской направленности, звучат, как правило, от представителей противоположного идеологического лагеря, в нашем случае – противников Российского государства, либералов, западников, сторонников исламистов, симпатизирующих террористам. При этом их собственная позиция столь же предвзята, но с обратным знаком.

В этом смысле *интерпретация – это основа журналистики и в целом работы с информацией.* Именно интерпретация является сутью любой подачи и изложения событий, явлений, действий, т. е. их оценка и разъяснение смысла. Отсюда вытекает следующий тезис: *взгляды журналиста (репортёра, корреспондента, обозревателя, колумниста и тем более редактора), его система ценностей, его мировоззрение имеют принципиальное значение.*

От того, каких взглядов придерживаются сотрудники того или иного издания, зависит принципиально всё, какие бы красивые речи о непредвзятости и профессиональном подходе при этом ни произносились (Бедрицкий, 2003). Если задача СМИ – противодействие распро-

странению идеям радикального исламизма и терроризма, а также их базовым предпосылкам – идеям глобализации, либерализма, распространения западных ценностей, то сотрудники данного СМИ не могут быть либералами, не должны разделять западные ценности, выступать против государства, обладать комплексом взглядов, свойственных исламистам, и т.д.

Напротив, сотрудники такого СМИ должны быть патриотами своего государства, разделять традиционные ценности, выступать против Запада и всего, что идёт оттуда. Не только декларировать этот ценностный набор, но быть его искренними носителями – что важно установить ещё на стадии приёма сотрудника на работу. Ибо от того, какие взгляды разделяют журналисты издания, зависит, какие интерпретации и оценки они будут давать, в том числе неосознанно, пытаясь быть «циничными профессионалами». Убеждения и взгляды пробьются в текст, как бы автор ни хотел обратного.

Таким образом, для качественного противодействия распространению идей религиозного экстремизма и терроризма необходимо сделать акцент на смысловой интерпретации того, что исходит из этой среды: на любых заявлениях, действиях и событиях, связанных с террористической и экстремистской деятельностью, а также всех предпосылках и смысловых основах, порождающих всю эту среду. Ключевым моментом в достижении этой цели является качественный состав СМИ, мировоззрение и взгляды его журналистов и редакторов, разделяемая ими система ценностей. Без учёта этих основных, отправных точек вся остальная деятельность не будет иметь высокой эффективности.

Методы воздействия на смысловую и информационную среду

Воздействие на информационную среду в условиях информационного общества – один из наиболее действенных методов формирования общественного мнения. В частности, именно через использование методов информационных технологий, в особенности СМИ, возможно сформировать негативное отношение ко всему комплексу проявлений, связанных с распространением идей религиозного радикализма и экстремизма.

Именно СМИ имеют самые широкие возможности так называемой *делегитимации терроризма*, т. е. размывания, вплоть до полного исключения, какой-либо поддержки исламистских и террористических сетей внутри общества, без опоры на которое их эффективная деятельность является невозможной (Добаев, 2015).

Именно с помощью СМИ можно добиться нетерпимости в отношении любой террористической и иной сетевой активности со стороны исламистских структур. Осуществление идеолого-пропагандистской и разъяснитель-

ной работы среди верующих способно в разы сузить социальную базу поддержки радикалов. Однако при этом прямолинейной и буквальной пропаганды порой оказывается недостаточно, так как она затрагивает только лишь самый поверхностный уровень восприятия.

Глубинное же проникновение в работу со смыслами осуществляется на уровне сознания, психологии, архетипов. А это значит, что системное формирование общественного мнения в сторону нулевой терпимости к терроризму возможно лишь на уровне идей, смыслов, ценностных структур общества, с глубоким пониманием общественных запросов, ментальности, образов мышления (Добаев, 2015).

Всё это заставляет говорить о необходимости работы именно в сфере идей, где на каждый аргумент со стороны исламистских проповедников создаётся полноценная и законченная, проработанная и убедительная ответная контраргументация. Именно она должна лежать в основе журналистской деятельности, работы СМИ в целом, именно на ней должны выстраиваться все интерпретации при освещении этой непростой сферы информационного воздействия на общество.

Стоит отметить, что создание базовой контраргументации в отношении исламистских идей должно происходить постоянно, в фоновом режиме, не только в редакциях СМИ, где с ними уже работают в прикладном аспекте, но в первую очередь в научных и образовательных центрах, политологических структурах на уровне экспертного сообщества, в рамках конференций и круглых столов. Для этого у такой работы должен быть заказчик в лице государственных структур, например Национального антитеррористического комитета (НАК) или профильных федеральных и региональных министерств и ведомств, с выделением соответствующего финансирования. Сюда же должны быть направлены и соответствующие грантовые программы, а все издаваемые по итогам данной деятельности аналитические доклады, сборники и другая интеллектуальная продукция должны централизованно направляться в редакции СМИ, представители которых должны стать постоянными участниками подобного рода мероприятий.

Некоторые методы по организации деятельности СМИ

Инструментальность производства контента в информационном и сетевом обществе имеет отрицательные стороны, однако те же свойства информационного общества могут давать и преимущества для противодействия негативным тенденциям. Таким же ответным образом можно формировать и позитивный контент, имеющий возможность конкуриро-

вать с тем деструктивным и разрушительным контентом и тем влиянием, которое создают проповедники терроризма и экстремизма¹.

Сетевые технологии и их грамотное использование со стороны СМИ способны инициировать революционные изменения сознания, управлять обществом, массами, определёнными целевыми группами с помощью создания целевого контента в определённых информационных лабораториях, производящих этот самый контент с заданными параметрами. Эти технологии уже довольно давно и относительно успешно используются против нас. Пора начать использовать те же методы если не против них, то хотя бы для сдерживания деструктивного сетевого воздействия на наше общество, частным проявлением которого является продвижение идей радикального исламизма и терроризма на российском Северном Кавказе. При этом ничего не мешает нам таким же образом, создавая контент в своего рода информационных лабораториях нынешних СМИ, формировать альтернативные смысловые формы для вытеснения деструктивного интернет-контента из информационного пространства².

Дело в том, что каждый пользователь физически имеет ограниченную возможность восприятия информации – изучить, обобщить и проанализировать довольно небольшой информационный объём. Уже сегодня мы сталкиваемся с девальвацией информационных потоков. Информация избыточна, и главной функцией тех, кто воспринимает информацию, является возможность отсеивать ненужное, вычлняя те крупницы содержательной информации, которая действительно интересует её потребителя. Таким образом, потребитель может усвоить незначительный, довольно ограниченный объём информации. И от того, кто её произвёл, кто её доставил до потребителя, кто ему её разъяснил, дав свои оценки и интерпретации, зависит, кто в итоге осуществляет влияние на него. То есть потребитель получает то, что ему попадает на глаза, то, что он способен освоить, и если альтернативы нет, то влияние на потребителя носит монопольный характер.

Иными словами, производство и распространение контента с заданными параметрами в нынешнем сетевом (покрытом сетями) информационном обществе становятся не просто средством воздействия и формирования общественного мнения. Информация, контент и сети, по которым он доставляется, становятся сегодня оружием ведения сетевой войны, целью которой является дестабилизация общества, направление

¹ Подробнее см.: *Коровин В.М.* Организация деятельности в сети Интернет по противодействию идеологии терроризма // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8 (40), № 6. С. 49–69.

² Там же.

его негативных энергий против власти и государства и в конечном итоге на захват государства без использования обычных вооружений. Именно по этой причине производство контента, который вытесняет деструктивный контент противника, отвлекая на себя внимание его потребителя, носит стратегический характер, выходя далеко за рамки функций классической прессы, а именно оказания так называемых информационных услуг (Коровин, 2014).

С помощью сетей и СМИ западные стратегические центры сегодня захватывают государства. Поэтому контент – это теперь уже не развлечение, не дополнительная опция, не способ получения информации, но оружие, и отношение к его производству, распространению и вытеснению должно быть крайне серьёзным.

Производство и распространение вытесняющего контента

Необходимо иметь в виду, что люди, интересующиеся исламской тематикой и при этом имеющие высокий эмоциональный уровень и подвижную психику (как правило, молодёжь), т. е. наиболее активная часть общества, желающая непосредственно проявить свои идейные предпочтения, как правило, не ищут интересующую их информацию по запросам «как стать террористом» или «как попасть в ИГИЛ». В этой связи для создания вытесняющего контента необходимо внимательным образом изучить набор тематических запросов, а также материалы, которые по этим запросам открываются.

Конечной задачей является создание массива смыслового контента, который полностью перекрывал бы по своему содержанию, набору аргументации и проработанности тот деструктивный контент, который доступен ищущей, экзальтированной части общества по наиболее популярным поисковым запросам¹.

Иными словами, всё, о чём пишут адепты исламизма, должно иметь свой легальный, позитивный, содержательный аналог, не уступающий по качеству изложения, – в виде альтернативы. Поэтому-то так важно обратить внимание именно на качество и подачу производимого контента, который ни в коем случае не должен уступать своим деструктивным аналогам, а напротив, превосходить их по качеству проработки и доступности подачи.

Очень важно избегать в этом процессе какой-либо формализации, механизации и отчуждённости. Альтернативный контент не должен со-

¹ Подробнее см.: Коровин В.М. Производство и распространение вытесняющего контента: содержательная альтернатива террористической идеологии // Выступление в рамках IV Межрегиональной научно-практической конференции «Идеология терроризма: пропаганда и контрпропаганда. Современные вызовы», 2 ноября 2017 г., Дагестан.

здаваться искусственно, на-гора, иначе он не будет распространяться, что вызовет ещё большее недоверие к официальным источникам – неискренность, заказной характер, механистичность, отчуждение, всё это создаст скорее обратный эффект и вообще исключит официальные СМИ из сферы интересов заданной аудитории (Почепцов, 2019).

Для создания вытесняющего контента необходим содержательный, доступный, творческий подход. А для этого исполнители должны сами являться носителями альтернативной идеи, т. е., как говорил философ Платон, созерцать внутренним зрением идеальный образ, альтернативный тому, что предлагают адепты радикального исламизма и терроризма. Одними деньгами в качестве мотивации здесь не обойтись, как, впрочем, и без необходимых технических и финансовых средств тоже.

Простота и образность

Вытесняющий контент должен быть простым, понятным и образным. Создание простого для восприятия контента требует глубоких знаний. Просто рассказать о сложном может лишь тот, кто глубоко владеет материалом. Также необходимо прибегать к ярким, запоминающимся образам – визуальным, текстовым и символическим. Порой удачное фото, иллюстрация, инфографика могут доступнее и эффективнее воздействовать на сознание, донося основную идею доходчивее, чем содержательный и развёрнутый текст. Больше внимание следует уделять символизму, ибо культура кавказских народов высококонтекстна, т. е. нюансы, фон, образы, обряды, ритуалы, знаки порой имеют большее значение, нежели сам базовый месседж. От того, кто, как, в какой ситуации, с какими интонациями произнёс ту или иную мысль, зависит качество её восприятия или невосприятия. Здесь ключевое внимание необходимо обращать на контекст (Акаев, 2004).

Перехват инициативы по созданию заданных интерпретаций в медиапространстве

Для того чтобы оказывать смысловое информационное влияние на заданную аудиторию, а это, как правило, ищущая, социально активная молодёжь, необходимо совмещать содержательность и компетентность излагаемых трактовок с простотой и доступностью подачи. Для осуществления этого подхода необходимо совмещение высокого уровня знаний в данной области с высокими профессиональными навыками работы с текстом.

Простота подачи материала – одно из главных преимуществ исламистских проповедников. Традиционный ислам как наука сложен для по-

верхностного восприятия, в то время как исламизм (салафизм¹, ваххабизм и другие версии) доступен, прост и понятен, так как не отягощён не только необходимостью постоянных ссылок на Коран и Сунну Пророка, но и восстановлением смыслового контекста той исторической среды, в которой создавались священные для мусульман тексты, от анализа нюансов перевода и прочих сложных для восприятия вещей. Часто исламистские проповедники оперируют отсылками к так называемым исламским авторитетам, тем самым упрощая себе задачу по обоснованию своей позиции (Добаев, 2015).

Для создания конкурентного по содержанию и доступного по восприятию контента представители СМИ должны, с одной стороны, давать содержательный и обоснованный набор контраргументации, с другой – вынужденно использовать методику и подходы исламистских проповедников, опуская значительную часть необходимого научного аппарата и оперируя простыми и понятными формулами, пускай и несущими в себе некоторые неточности и имеющими несколько бытовой характер. Необходимо также как можно более широко использовать прямую речь авторитетных персоналий не только из среды исламских авторитетов, но и из области культуры, спорта, а также широко использовать иллюстративный материал – инфографику, таблицы, картинки, что значительно упрощает восприятие.

Глубокий уровень погружения

Для качественной интерпретации деятельности экстремистов, террористов и их пособников журналист или редактор должен быть глубоко погружен в данную тематику. Как минимум редактор должен иметь высокую компетенцию в вопросах богословия и исламской догматики, разбираться в нюансах, отличающих традиционную версию ислама от идеологии исламизма, владеть набором контраргументов на основные тезисы исламистов. Высоким уровнем компетенции по данным вопросам должны обладать и пишущие на данную тему журналисты. Для этого со стороны редакций им должна быть обеспечена возможность посещения тематических круглых столов, семинаров, лекций, конференций и других мероприятий, на которых обсуждается данная тематика. Также журналист должен иметь возможность постоянного самообразования в данной сфере.

Отдельно стоит обговорить и возможность привлечения к работе с основными региональными СМИ наиболее релевантных в этой области

¹ *Салафизм* (мусульманский фундаментализм) является одним из идейных течений в исламе и в своих умеренных версиях не несёт в себе опасность для общества и государства, о чём подробнее будет сказано ниже, в отличие от радикального салафизма (или неосалафизм) – идейного течения, которое несёт в себе разрушительный потенциал. В таком контексте уместнее употреблять понятие «салафизм», взяв его в кавычки, либо же использовать понятия «радикальный салафизм» или «неосалафизм».

блогеров, которые могут не только осуществлять самостоятельные расследования, но и обмениваться информацией с основными СМИ, в то время как сами СМИ могут через блоги публиковать информацию, находящуюся за рамками формата самого СМИ. В этом плане блогер имеет больше свободы (Озюменко, 2017).

Также при содействии СМИ можно вовлекать наиболее компетентных специалистов в области противодействия экстремизму и терроризму в медийную работу. Например, обращаясь к ним за комментариями, предоставляя печатное и сетевое пространство СМИ для статей и колонок с соответствующей гонорарной поддержкой, поддерживая на первых порах создание и ведение ими собственных блогов в социальных сетях.

Конечной задачей является создание контраргументации на максимально высоком уровне, содержательной, обоснованной и проработанной, которая бы ни уступала, а в идеале – превосходила бы по уровню проработки аргументацию исламистских пропагандистов и проповедников. Одно это уже переломит отношение ищущей части общества, особенно молодёжи, к тому контенту, который создаётся в среде официальных медиа, что серьёзно скажется на повышении доверия и уважения к официальным источникам.

Всеобщая осведомлённость

Для повышения эффективности воздействия на информационную среду со стороны СМИ крайне важным моментом является то, чтобы не только редакторы и руководство, но и все остальные сотрудники редакции имели полное представление о конечных целях деятельности всей редакции. Это в разы повышает эффективность общей редакционной работы. У каждого сотрудника редакции должен быть в голове общий замысел, конечная идея информационной деятельности СМИ, только так можно добиться наиболее эффективного результата (Дугин, 2015).

Недопустимым с точки зрения достижения общего, синергетического эффекта является спуск задания сверху без пояснения конечной цели, ибо восприятие конечного замысла редактором и исполнителем в таком случае коренным образом отличается, а исполнение поставленной задачи становится формальным. Отчуждённость полученного результата от изначального замысла, формальность исполнения, отсутствие понимания и заинтересованности становятся заметными в этом случае не только редактору, но и читателям, которые перестают воспринимать созданные таким образом материалы. Что сводит на нет усилия по их подготовке, создавая нулевой эффект (Дугин, 2015).

Тайминг публикации

Ключевым моментом в работе современных медиа является скорость. При этом принципиальное значение имеет не просто наиболее быстрое появление публикации, а скорость появления нужной, заданной параметрами работы СМИ *интерпретации происходящего*. Как правило, та интерпретация, что появляется первой, становится отправной точкой для всех последующих комментариев и объяснений происходящего.

Таким образом, для формирования заданной информационной картины скорость реагирования официальных СМИ должна быть наиболее высокой. Для этого у них должны быть все необходимые условия:

- техническое обеспечение для быстрой и бесперебойной работы;
- наиболее квалифицированный редакционный состав;
- заготовленный заранее, проработанный и отточенный набор аргументации.

В этом смысле редакция должна иметь достаточную субъектность, практически полную автономию (ограниченную лишь законом) в работе с информацией, т. е. максимальную свободу по принятию решений о публикации, выходе того или иного материала. Именно для сокращения скорости выхода материала в том числе необходима так называемая *всеобщая осведомлённость*, о которой было сказано выше. Журналист, а именно конкретный автор материала, должен полностью понимать, что он даёт, как это интерпретировать (глубокое погружение) и с какой конечной целью.

Недопустима с точки зрения соблюдения тайминга публикации (а значит, и вообще эффективности работы СМИ) громоздкая система согласования, заверения или утверждения материала. Это сводит на нет какой-либо эффект от такой публикации. В принципе, существование такого рода СМИ, где на согласование материала уходит значительное время, можно признать бесполезным.

Следует ли говорить о том, что не может быть и речи ни о каких задержках публикации материала, связанных с техническими причинами. Подготовка и публикация текста, носящего новостной характер и задающего требуемую интерпретацию, должны происходить в режиме пит-стопа.

В этом смысле всё более эффективной с точки зрения формирования общественного мнения становится деятельность не традиционных СМИ, а так называемых блогеров, которые не связаны ни форматом, ни необходимостью какого-либо согласования, поэтому и выигрывают по таймингу, оставляя позади даже информационные агентства (Соломатин, 2019).

В крайнем случае, если есть риск, что публикация без соответствующего согласования может иметь сложные последствия для СМИ, можно использовать официальный (или даже неофициальный) блог издания. В блогосфере более широкий допуск по формату, ниже ответственность, выше возможности по динамичной корректировке или полному дезавуированию материала с наименьшими репутационными издержками. Для этого у СМИ должен быть официальный, неофициальный или аффилированный блог/блоги (или всё сразу). В случае высокого риска можно использовать личные блоги обозревателей, колумнистов или сотрудников редакции. Важно, чтобы ваша интерпретация событий оказалась опубликована первой (Давлетшина, 2017).

Примерные варианты реализации изложенных подходов

Из имеющейся в открытых источниках статистики следует, что на наших глазах происходит переход в более мобильные формы потребления интернет-контента. Такая тенденция неминуемо приведёт к тому, что в ближайшее время влияние телевидения окончательно упадёт (телевидение имеет ряд недостатков – это односторонняя подача информации, отсутствие интерактива, сформированная заведомо кем-то и безапелляционно поданная позиция, что смущает потребителя информации, особенно если речь идёт о молодых людях).

Практически отмирает такое явление донесения информации, как бумажная пресса. Печатные СМИ сегодня оказывают преимущественное влияние на старшую аудиторию, людей пенсионного и предпенсионного возраста. То есть эта форма подачи информации становится всё менее конкурентоспособной, уступая на несколько порядков интернет-ресурсам.

Но и влияние интернет-ресурсов постепенно снижается, всё меньшее значение имеют традиционные сетевые СМИ – сайты, порталы, новостные агентства, а на первый план всё больше выходит влияние социальных сетей. Однако именно интернет-ресурсы и классические, бумажные СМИ пока что имеют главное преимущество перед значительной частью блогов и сообществ в социальных сетях, а именно высокий уровень профессионализма авторских коллективов и серьёзную материально-техническую базу. По крайней мере так должно быть, ибо без этих двух составляющих реальное влияние СМИ сходит на нет (Давлетшина, 2017).

Таким образом, материалы классических, традиционных СМИ для выполнения своей главной задачи – создания вытесняющего контента и заданной интерпретации (подачи информации в нужном ключе) – долж-

ны быть более качественными и интересными, чем всё то, что создаётся на альтернативных площадках. *Всё, что создаётся в редакциях по заданной теме – ислам, исламизм, терроризм, экстремизм, деятельность исламистских структур, деятельность структур традиционного ислама, в целом исламская традиция, культура народов, традиционный образ жизни, Северный Кавказ и т. д., должно становиться приоритетным объектом внимания целевой аудитории.*

Именно материалы официальных СМИ должны быть основными источниками для обсуждения, перепечатки, перепоста, лайков и комментариев. То есть качество их должно быть настолько высоким, а подача настолько профессиональна, неординарна, остра и неожиданна и при этом достоверна и содержательна, что не должна оставлять равнодушными даже идеологических противников.

При этом набор тем должен полностью соответствовать актуальной в целевой среде повестке, отражать обсуждаемые на текущий момент темы. То есть для оперативного реагирования на текущую повестку необходимо осуществлять постоянный качественный мониторинг тем и трендов, которые обсуждаются в среде исламских и исламистских сообществ, в тематических пабликах соцсетей.

Всё это способны осуществлять даже небольшие сетевые группы с минимальными средствами. Тем более это должны делать официальные СМИ, но более качественно и профессионально. Только тогда их контент действительно сможет вытеснить низкопробные, непрофессиональные деструктивные продукты маргинальных сетевых групп.

Методы создания вытесняющего контента и купирования исламистской пропагандистской аргументации

Важно учитывать, что зачастую в идеях, излагаемых проповедниками исламского радикализма, молодых людей привлекает именно радикализм, т. е. строгое отрицание каких-либо уступок, компромиссов и полумер в формах исповедования ислама и иных духовных практик. Исламизм привлекает молодых людей именно своей строгостью. Это потом уже вскрывается всё остальное, обратная сторона, связанная с выходом за рамки закона, с вызовом обществу, морали, с использованием исламистов в качестве топлива для войны Запада с Россией или иными противниками либерального глобализма. Но сначала люди тянутся туда именно в поисках строгости и чистоты, идеалов и справедливости (Маркин, 2012).

В этой связи совершенно неконструктивным и неэффективным является предложение в качестве альтернативы идеалов светского обще-

ства, обывательских ценностей, достижений материализма, прогресса, демократии или гражданского общества. Всё это и представляет собой в совокупности то, от чего и бегут мусульмане-идеалисты в так называемый радикальный ислам. Тот, кого устраивает обывательский образ жизни и кто разделяет ценности гражданского общества, не ищет ни более радикальных форм, ни большей строгости. Большой строгости чего ему искать? Более радикального обывательства? Более строгих рамок воздействия гражданского общества или светскости?

Альтернатива поиску большей строгости и чистоты должна определяться не в понятиях светскости и материализма, а в понятиях традиции. Традиционный ислам на самом деле предлагает ту же строгость, но без выхолащивания и примитивизации, без идеологических и политических компонентов, на которых и выстроена идеология исламизма. И самое главное – без кураторства со стороны западных аналитических центров и без вызовов в этой связи своему обществу и собственному государству. Поэтому альтернативы исламизму нужно искать не в обывательских ценностях, а в традиционном исламе¹. Конечно, если рассматривать традиционные для Северного Кавказа версии ислама, то нельзя не отметить, что здесь традиционным является не только тарикатский ислам, но и салафитский, на что обращают внимание ряд экспертов. Это подтверждается и историей ислама, особенно в Дагестане. Однако традиция салафизма в Дагестане разительно отличается от тех неосалафитских изысков и нововведений, которые привносятся в исламское сообщество Кавказа извне. Этот момент необходимо также учитывать при ведении дискуссии с исламистами, не поддаваясь тем самым на довод о том, что, дескать, «салифизм традиционен для Дагестана, поэтому оставьте нас в покое». Вместе с тем научному сообществу Северного Кавказа необходимо более внимательно отнестись к теме разделения традиционного и нетрадиционного салафизма, детально описать историю его возникновения, становления, а также его отличия от тех версий современного, нетрадиционного радикального салафизма, что заносится в регионы Северного Кавказа иностранными проповедниками (Добаев, 2011).

Описывая альтернативу исламизму в целом, в качестве примера можно привести следующий набор доводов, предлагаемых исламизмом, светским обществом и традиционализмом (таблица).

¹ Более подробно на эту тему см.: *Коровин В.М.* Выступление на конференции «Идеология терроризма: пропаганда и контрпропаганда. Современные вызовы», Дагестан, 2 ноября 2017 г. URL: <https://youtu.be/dfXSN83KgFQ>.

Исламизм	Светскость	Традиция
Идеалистическая цель – справедливость, героизм, самопожертвование	Обывательский ответ – семья, работа, бытовое благосостояние	Традиционный ответ – справедливость ради семьи (а не всех мусульман мира); героизм ради государства (а не западных заказчиков и их марионеток); самопожертвование ради Аллаха и своего народа (а не в интересах американской геополитики)
Образ героя – активны, сильны, идеалисты	Обыватели – пассивны, слабы, бессмысленны	Образ мудрого героя – активен в интересах своего народа, государства, когда это востребовано; силен не только физически, но и умом, знаниями, мудростью; движим идеями в рамках своей традиции (а не идеями иностранных проповедников и их заокеанских кураторов)

Привлечение оппонентов

Любое ведение дискуссии без приглашения другой стороны неустойчиво. Для качественного и полноценного выстраивания альтернативной модели необходимо ведение диалога, для чего нужно приглашать представителей исламистского течения, так называемых строго практикующих иных адептов радикальных форм ислама и исламизма, предоставляя возможность высказываться на площадках официальных СМИ.

Главное условие – это должен быть диалог, обмен мнениями, а не односторонняя пропаганда. В этой связи со стороны официального СМИ должен быть выставлен либо ведущий, либо эксперт, компетентный в тематике обсуждаемых вопросов, теоретически подготовленный, оперирующий заранее подготовленной справкой либо имеющий (если речь

идёт о ТВ) связь с аппаратной, откуда ему должны даваться вводные или необходимая информация с подобранными встречными аргументами. Ни один идеологический выпад со стороны представителей оппонировавшей стороны в этой связи не должен быть оставлен без аргументированного, обоснованного, проработанного ответа. Если же речь идёт о печатных СМИ или интернет-сайтах, то такого рода выступление должно сопровождаться либо редакционным комментарием, отвечающим на основные тезисы, либо же комментарием эксперта/экспертов по данной тематике.

Приглашение на площадку официальных СМИ, помимо обмена аргументами, должно носить ещё одну цель – *размывание образа исламистских или радикальных проповедников как гонимых, запрещённых, притесняемых борцов, лишённых права высказываться.*

Недопустимо приглашение откровенных пропагандистов и непримиримых радикалов, не слышащих другую сторону и не принимающих никаких доводов и никакой альтернативной точки зрения. Если оппонент использует в своих выступлениях непримиримую риторику или некорректные эпитеты в отношении государства, власти, общества, выпадающие за рамки закона, – разговор с ними неконструктивен. Радикализм и выход за рамки закона для них сами по себе являются позицией, и им действительно не место в СМИ.

Вскрытие подлинных заказчиков терроризма

Заказчики терроризма – это самая неприглядная сторона вопроса, холодный душ для любого террориста, поэтому на этом надо делать особый акцент, тщательно и кропотливо подбирая факты, доказательства и грамотно выстраивая логические цепочки. Аксиомой давно стало то, что *все исламистские группы и сети в нынешнем мире действуют в интересах американской, шире – западной геополитики и являются инструментарием западных стратегических центров, выступающих как заказчиками, так и организаторами работы по созданию и использованию террористических сетей в своих интересах* (рис. 2).

Никакого отношения к исламу, традиции, Корану, Сунне и заветам пророка Мухаммеда деятельность исламистских террористических сетей не имеет, ибо сохранением и развитием исламской традиции занимается традиционный ислам, лежащий на противоположном конце от исламизма. Нет смысла вносить в него политические компоненты иначе как для ведения политической борьбы за власть и влияние, чем изначально и занимаются идеологи и стратеги Запада ещё со времён активной английской колониальной политики в диких регионах.

Рис. 2

Именно вскрытие инструментальности исламизма и его главных методов борьбы – терроризма – является основой информационной работы, направленной против этого явления. Далее – дело техники – подбор многочисленных фактов, доказательств и примеров причастности именно Запада к распространению этого явления и описание сути высокомерия и цинизма тех, кто использует мусульман и идеалистов в своих целях в качестве мяса в прямом смысле этого слова. И это очень далеко как от ислама, так и от идеи спасения, движущей любым мусульманином и любым человеком традиции.

Примеры теоретических установок террористов, недопустимых для Северного Кавказа

Один из лидеров исламистского терроризма Айман аз-Завахири наставляет своих последователей в том, что боевые группы джихадистского движения должны использовать любое оружие, которое доступно или недоступно, даже запрещено (Ражбадинов, 2003. С. 101). Под запрещённым видом оружия можно предположить химическое оружие, касетные боеприпасы, а также «грязные бомбы» на основе ядерных компонентов. Такой отчуждённый подход от нынешнего лидера «Аль-Каиды» (запрещенной в РФ), возможно, направлен против «далёкого врага», находящегося на другом континенте. Но такой подход неприемлем для любого жителя густонаселённого Северного Кавказа, какими бы

мотивами он ни был движим. От химического или ядерного оружия пострадают огромные массы людей, в том числе дети, старики, женщины, на что не сможет пойти ни один из местных, как бы ни промыли ему мозги. На это может пойти только посторонний – заезжий издалека «шахид», которому безразличны судьбы представителей местных народов и этносов, но в таком случае уже *он сам* становится непримиримым врагом для местного мусульманина.

Собственно, одна из главных уловок проповедников терроризма заключается в неправомерной подмене понятий «шахид» и «террорист». На этой подмене выстраивается основной массив террористических сетей. Наиболее опасный вид терроризма – терроризм смертников, основанный на переименовании террористов в «шахидов».

В исламской традиции термином *шахид* обозначают того, кто жертвует свою жизнь за веру, в том числе принимая мученическую смерть. И вот здесь и открывается широкое поле для спекуляций со стороны исламистских проповедников, ибо это даёт им в руки колоссальное оружие. Отдать жизнь за веру – это так идеалистично и так... эффективно в достижении необходимых политических целей. Остаётся наполнить это «за веру» своим собственным содержанием, доказав порой малообразованному мусульманину, что «за веру» это именно то, что нужно куратору исламистского проповедника из ЦРУ.

Однако подлинная исламская ортодоксия категорически отрицает тождество между шахидами и террористами-убийцами, и на этом нужно делать постоянный акцент, строго разделяя эти понятия и не используя слово «шахид» в отношении убийц. Ибо, согласно исламской традиционной доктрине, мусульманин, осуществивший осознанное убийство, не может считаться шахидом, а его деяние квалифицируется исламом не иначе как самоубийство, повлекшее за собой гибель мирных людей (напомним, что джихад – это вынужденная оборона от напавших на мусульман вооружённых людей), что является тяжким грехом, которого Аллах не прощает (Добаев, 2015).

Подмена исламистских тренеров, потоком готовящих террористов, зиждется на обосновании суицида, совмещённого с убийством невинных жертв, исламской терминологией, представляя грех и преступление в качестве «шахидизма». И самоубийство, и убийство невинных людей при этом в корне противоречат основополагающим принципам ислама: «Кто убил душу не за душу или за порчу, тот как бы убил людей всех» (Сура «Трапеза», 5:32). Ибо в исламе не допускается насилие, выходящее за рамки равного возмездия, что неизбежно происходит в случае осуществления теракта и гибели случайных людей. А это в корне проти-

воречит исламскому принципу недопущения чрезмерного насилия, что, впрочем, не беспокоит тех, кто занимается этим не ради спасения, а ради власти и денег.

Таким образом, исламистская концепция смерти мучеников – не что иное, как машина убийства, используемая в интересах США, а все деяния, совершённые в её рамках – обычное уголовное преступление, а никакая не священная война. При этом при подготовке террориста используются современные сектантские технологии психологического воздействия, а также новейшие достижения психофармакологии. Исламистские тренеры вводят будущего убийцу в состояние религиозного возбуждения, а далее, используя это состояние, вкладывают в его сознание нужную им программу. Так самоубийство, категорически запрещённое исламом, воспринимается ими как нечто, имеющее религиозную нагруженность. При этом в качестве террористического мяса используются именно идеалисты – лучшая часть общества в нормальном состоянии, внутренне предрасположенные к такому шагу в случае изменённого сознания и подмены понятий.

Тем более терроризм чужд для народов Северного Кавказа, где ни Кораном, ни адатом недопустимо осознанное убийство, а феномен самоубийства в корне чужд образу жизни и духовному восприятию северокавказских этносов. Например, в чеченском языке, как и в некоторых других, даже отсутствует термин, обозначающий этот феномен (Добаев, 2011. С. 11–12). «И они не поклоняются иным богам, кроме Аллаха, и не лишают жизни душу, которую Аллах запретной для убийства сотворил... А те, кто творит это, тот встретит тяжкое воздаяние» (Сура «Различение», 25:68).

Исходя из вышеизложенных примеров подбора контраргументации, необходимо в целом выстраивать всю работу СМИ по освещению данной тематики, максимально размывая ложный образ террориста как борца за веру и справедливость. Да, мир вокруг несправедлив, но гибель случайных жертв и собственное самоубийство, обрекающее исполнителя на вечные муки после смерти, не сделают его справедливым. Тем более в интересах циничного заказчика, презирающего как ислам, так и все народы, его исповедующие, считая их дикарями. Терроризм не делает мир лучше в отличие от молитвы, поста и прилежного соблюдения своей традиции и Писания во имя установления всеобщей гармонии и мира, что и должно интересовать подлинного, просвещённого мусульманина. А существование окружающего греха – не повод множить его.

Подводя итог, следует сделать главный вывод: в деятельности СМИ по противодействию идеологии терроризма основными преиму-

ществами перед остальными источниками информации профессиональных средств массовой информации являются скорость интерпретации, профессионализм, компетентность. В то же самое время СМИ представляют из себя платформы, предназначенные для построения, отражения и организации социальных взаимоотношений. Все эти преимущества и должны быть поставлены во главу угла информационной войны, ведущейся внешними силами против нашего государства с использованием исламистских сетей и их деструктивной пропаганды.

Литература

Авдеев Ю.И. Религиозный терроризм: особенности формирования, современная роль, характерные черты // Терроризм и религия / науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В. Брятова. М. : Наука, 2005. 198 с.

Агрономов А.И. Джихад. Священная война мухаммедан. Казань, 1877. 238 с.

Акаев В.Х. Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе. Ростов н/Д., 2004. С. 132–136.

Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. Конфронтация или компромисс? Махачкала, 1999. С. 30–35.

Анисимов Ю.Н., Алтунин В.Н. Анти-террористическая деятельность и борьба с экстремизмом: опыт, организация, правовая основа. Майкоп, 2003. 482 с.

Арас Д. Четвертая мировая война : информ.-аналит. справочник по негосударственным военизированным системам. М., 2003. 702 с.

Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999. 162 с.

Ахтаев А. Как выбить почву из-под ног экстремизма // Знамя ислама. 1997. № 2.

Бедрицкий А.В. Роль информационных технологий в современном терроризме и основные направления противодействия новым формам терроризма // Проблемы внешней и оборонной политики России : сб. ст. / под ред. В.И. Кривохижи. М., 2003. Вып. 10.

Бережной С.Е., Добаев И.П., Крайнюченко П.В. Ислам и исламизм на Юге России. Ростов н/Д., 2003. 243 с.

Гельман М.А. Русский способ. Терроризм и массмедиа в третьем тысячелетии. М., 2003. 120 с.

References

Avdeev, Yu.I. (2005). Religious terrorism: peculiarities of formation, modern role, characteristic features. *Terrorism and religion*. V.N. Kudryavtsev (Ed.); comp. L.V. Bryatova. Moscow: Nauka. (in Russian).

Agronomov, A.I. (1877). Jihad. Holy war muhammadan. Kazan. (in Russian).

Akaev, V.Kh. (2004). Islam: sociocultural reality in the North Caucasus. Rostov-on-don, 132-136. (in Russian).

Akaev V.Kh. (1999). Sufism and Wahhabism in the North Caucasus. Confrontation or Compromise? Makhachkala, 30-35. (in Russian).

Anisimov, Yu.N., Altunin, V.N. (2003). Antiterrorist activity and fight against extremism: experience, organization, legal basis. Maykop. (in Russian).

Aras, D. (2003). Fourth world war: Information and analytical guide to non-state paramilitary systems. Moscow. (in Russian).

Arukhov, Z.S. (1999). Extremism in modern Islam. Makhachkala. (in Russian).

Akhtaev, A. (1997). How to knock the soil out from under the feet of extremism. *Znamya Islama*, 2. (in Russian).

Bedritskiy, A.V. (2003). The role of information technologies in modern terrorism and the main directions of countering new forms of terrorism. *Problems of foreign and defense policy of Russia. Collection of articles*. V.I. Krivokhizha (Ed.). Moscow, 10. (in Russian).

Berezhnoy, S.E., Dobaev, I.P., Krainyuchenko, P.V. (2003). Islam and Islamism in the South of Russia. Rostov-on-Don. (in Russian).

Gelman, M.A. (2003). Russian way. Ter-

Гладышев-Лядов В. Социальные сети как инструмент для пропаганды экстремизма // Обзор НЦПТИ. 2013. № 2. С. 28–31.

Давлетишина С.Р. Перспективы развития традиционных СМИ в условиях конкуренции с социальными медиа // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. С. 80–86.

Добаев И.П. Противодействие современному терроризму в идеологической сфере: зарубежный опыт // Государственное и муниципальное управление. Учёные записки СКАГС. 2015. С. 87–90.

Добаев И.П. Радикализация ислама в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2014.

Добаев И.П. Терроризм и антитеррористическая деятельность на Юге России // Южнороссийское обозрение. 2011. № 66.

Добаев И.П., Добаев А.И., Немчина В.И. Геополитика и терроризм эпохи постмодерна. Ростов н/Д.: Изд-во Южн. фед. ун-та, 2015. 370 с.

Дугин А.Г. Русская война // Алгоритм. М., 2015.

«Исламское государство»: сущность и противостояние : анализ. докл. Владикавказ, 2015. 226 с.

Коровин В.М. Главная военная тайна США // Сетевые войны. М.: Язуз, Эксмо, 2009. 285 с.

Коровин В.М. Накануне империи. Прикладная геополитика и сетевые войны // Международное евразийское движение. М., 2008. 352 с.

Коровин В.М. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014.

Котелевский Д.В. Понятие «языковой игры» в философии Л. Витгенштейна // Эпистемы : сб. науч. ст. Вып. 9 : Аспекты аналитической традиции. Екатеринбург : Ажур, 2014. С. 35–42.

Лохина Е.А. Терроризм в социальных сетях. Практика распространения и борьбы с ним // Выбор молодежи – Интернет без терроризма (ПФО) и Интернет без терроризма : материалы молодежных форумов Приволжского и Южного федеральных округов. М., 2013. С. 55–57.

Маркин В.В., Роговая А.В. Противо-

rorism and mass media in the third millennium. Moscow. (in Russian).

Gladyshev-Lyadov, V. (2013). Social networks as a tool for the propaganda of extremism. *Obzor NTSPTI*, 2, 28-31. (in Russian).

Davletshina, S.R. (2017). Prospects for the development of traditional media in competition with social media. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy filologii i zhurnalistiki*, 80-86. (in Russian).

Dobaev, I.P. (2015). Countering modern terrorism in the ideological sphere: foreign experience. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchonyye zapiski SKAGS*, 87-90. (in Russian).

Dobaev, I.P. (2014). The radicalization of Islam in modern Russia. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya*. (in Russian).

Dobaev, I.P. (2011). Terrorism and anti-terrorist activities in the South of Russia. *Yuzhnorossiyskoye obozreniye*, 66. (in Russian).

Dobaev, I.P., Dobaev, A.I., Nemchina, V.I. (2015). Geopolitics and terrorism of the postmodern era. *Rostov-on-Don: Izd-vo Yuzhn. fed. un-ta*. (in Russian).

Dugin, A.G. (2015). Russian war. *Algorithm*. Moscow. (in Russian).

“Islamic State”: essence and opposition. (2015). Analytical report. *Vladikavkaz*. (in Russian).

Korovin, V.M. (2009). The main military secret of the United States. *Setevyye voyny*. Moscow: Yauza, Eksmo. (in Russian).

Korovin, V.M. (2008). On the Eve of the Empire. Applied geopolitics and network wars. *Mezhdunarodnoye yevraziyskoye dvizheniye*. Moscow. (in Russian).

Korovin, V.M. (2014). The third world network war. *St. Petersburg: Peter*. (in Russian).

Kotelevsky, D.V. The concept of “language game” in the philosophy of L. Wittgenstein. *Epistemy: collection of scientific articles*. Iss. 9: Aspects of the analytic tradition. *Yekaterinburg: Azhur*, 35-42. (in Russian).

Lokhina, E.A. (2013). Terrorism on social media. The practice of proliferation and combating it. *Choice of Youth - Internet without terrorism (Volga Federal District) and Internet without terrorism (Southern Federal District). Materials of youth forums of the Volga and*

действие распространению идеологии экстремизма и терроризма в молодежной среде // *Власть*. 2012. С. 142–146.

Методические рекомендации по совершенствованию пропагандистской работы в сфере противодействия распространению идеологии терроризма в субъектах Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Попова. М., 2013. 49 с.

Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции к агрессии // *Вестник РУДН*. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220.

Почепцов Г.Г. Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях // *ОМКО*. 2019.

Противодействие терроризму в Российской Федерации и личная безопасность граждан. Вопросы и ответы. М.: НАК, 2008.

Пырлин Е.Д. Место и роль исламского фактора в политике США на Ближнем и Среднем Востоке в конце XX века // *Исламизм и экстремизм на Ближнем Востоке*. М., 2001. 260 с.

Ражбадинов М.З. Радикальный исламизм в Египте. М., 2003.

Соломатин Д.Д., Соловьев В.А. Блоггинг как катализатор журналистики в медиасистеме России // *Вестник науки и образования*. 2019. № 14 (68), ч. 1. С. 91–99.

Умаров Д.В. Фактор КРА. Антитеррор. М., 2019. 431 с.

Ханбабаев К., Якубов М. Религиозно-политический экстремизм в мире, России. Сущность и опыт противодействия. Махачкала, 2008. 154 с.

Штейнбух А.Г. Интернет и антитеррор. М., 2013. 32 с.

Southern Federal Districts. Moscow, 55-57. (in Russian).

Markin, V.V. Rogovaya, A.V. (2012). Counteracting the spread of the ideology of extremism and terrorism among the youth. *Vlast'*, 142-146. (in Russian).

Methodological recommendations for improving propaganda work in the field of countering the spread of the ideology of terrorism in the constituent entities of the Russian Federation. (2013). In V.V. Popov (Ed.). Moscow. (in Russian).

Ozyumenko, V.I. (2011). Media discourse in a situation of information war: from manipulation to aggression. *Vestnik RUDN*, 21, 1, 203-220. (in Russian).

Pochepstov, G.G. (2019). Cognitive wars in social media, mass culture and mass communications. *OMIKO*. (in Russian).

Countering terrorism in the Russian Federation and personal safety of citizens. Questions and answers. (2008). Moscow: NAK. (in Russian).

Pyrlin, E.D. (2001). The place and role of the Islamic factor in the US policy in the Near and Middle East at the end of the XX century. *Islamizm i ekstremizm na Blizhnem Vostoke*. Moscow. (in Russian).

Razhbadinov, M.Z. (2003). Radical Islamism in Egypt. Moscow. (in Russian).

Solomatin, D.D., Soloviev, V.A. (2019). Blogging as a catalyst for journalism in the Russian media system. *Vestnik nauki i obrazovaniya*, 14 (68), 1, 91-99. (in Russian).

Umarov, D.V. (2019). KRA factor. Anti-terror. Moscow. (in Russian).

Khanbabaev, K., Yakubov, M. (2008). Religious and political extremism in the world, Russia. The essence and experience of opposition. Makhachkala. (in Russian).

Steinbukh, A.G. (2013). Internet and anti-terror. (in Russian).

Поступила в редакцию

4 июня 2020 г.